

18+

Артур Грюнер

Герой без прошлого

С новой Родиной в сердце

Артур Грюнер

**Герой без прошлого. С
новой Родиной в сердце**

«Издательские решения»

Грюнер А.

Герой без прошлого. С новой Родиной в сердце / А. Грюнер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500617-2

Малоизвестная тема: Воевали ли российские немцы на фронте Великой Отечественной войны против фашизма? В романе «Герой без прошлого» и повести «Не стреляйте в Ангела» автор показывает, что да, воевали. Оба протагониста мужественно сражаются на фронте против фашистского нашествия. В главах из романа «Сибиль» глазами ребенка показана депортация и жизнь семьи в Сибири, а также повести первой любви подросших братьев.

ISBN 978-5-00-500617-2

© Грюнер А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ГЕРОЙ БЕЗ ПРОШЛОГО	7
Глава 1. Найденыш	7
Глава 2. С мечтой о небе	15
Глава 3. В борьбе с фашизмом на фронте	18
Глава 4. Конец войны и возвращение домой	23
Глава 5. Осуждение и лагерь	26
Глава 6. Реабилитация и известие о предательстве	28
Глава 7. Мог ли воевать российский немец?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Герой без прошлого С новой Родиной в сердце Артур Грюнер

А. Грюнер *Компьютерная верстка*

Ридеро *Дизайнер обложки*

Мария Черноок *Корректор*

© Артур Грюнер, 2019

© Ридеро, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0617-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

От каких только причин не зависят судьбы людей. Иногда это субъективные причины, определяющие жизнь отдельного человека, но чаще всего это факторы объективного развития мира, в круговорот которых вовлекается человек независимо от своего желания.

Наиболее драматичные страницы человеческих судеб развернулись в годы Второй мировой войны. О судьбах павших в боях или на трудовом фронте в тылу написано достаточно много, хотя, как уверяют историки, тема этой величайшей катастрофы двадцатого века и по сей день не исчерпала себя.

Малоизученной темой в литературе является вопрос, могли ли российские немцы воевать на фронтах Великой Отечественной войны против фашистского нашествия.

Автор отвечает на этот вопрос положительно как в романе «Герой без прошлого», так и в повести «Не стреляйте в Ангела». В первом случае это молодой человек, лишившийся памяти на прошлое, который становится военным летчиком, проявляет мужество и героизм на фронте, за что награждается высшей боевой наградой Родины. Во втором случае это сельский парень Иосиф Енгель по кличке Ангел, дважды избежавший расстрела оккупировавшими село фашистами с их приспешниками-жандармами. Ему удается бежать, чтобы вернуться в село, хотя и с ампутированной выше локтя рукой, но лейтенантом Советской Армии, орденосцем. Он принимает участие в суде над карателем-жандармом, принесшем неисчислимые бедствия жителям села.

Драматична судьба и тех, кто выжил в кровавой бойне двух авторитарных режимов. Об этом речь в избранных главах из романа «Сибиль», представляющего собой картины депортации и жизни в Сибири глазами ребенка. После того как все мужчины были призваны в трудовую армию, трое малолетних братьев смогли выжить только благодаря самоотверженным усилиям матери, также мобилизованной на лесоповал и, вопреки предписаниям, забравшей детей с собой, не оставившей их на погибель в чужом окружении.

А далее – борьба за выживание, причем не только в годы войны, но и многие годы после ее окончания. А уж коль выжили и выросли, то в судьбу братьев вошли события, расцвеченные особыми душевными качествами и красками – чувством первой любви.

ГЕРОЙ БЕЗ ПРОШЛОГО

Роман

*Не было бы счастья,
да несчастье помогло*
Народная поговорка

Глава 1. Найденыш

На западных границах страны уже четвертый месяц шли тяжелейшие оборонительные бои. Фашистская Германия вероломно, несмотря на заключенный пакт о ненападении, вторглась в нашу страну. А здесь, можно сказать, почти что в центре Советского Союза, вблизи небольшой станции Кара-Су, что находится между казахским селением Аксай и русским городом Оренбургом, путевой обходчик Омар-Ата Муртаев этой ночью, с 8 на 9 сентября 1941 года, как обычно в половине четвертого утра, проходил свой участок дороги.¹

В слабом свете своего керосинового фонаря, как и в восходящем утреннем свете, он натренированным взглядом подмечал все неисправности, которые возникали на перегруженной однопутке, по которой с началом войны стало проходить ежедневно во много раз больше поездов, и все больше большегрузных. На запад шли поезда, груженные целыми дивизиями солдат вперемежку с зачехленными тяжелыми орудиями на открытых платформах, а на восток – поезда, перегруженные людьми, которые, как объяснял начальник станции Иван Степанович, как неблагонадежные должны были ехать в изгнание.

В этих условиях рельсы быстрее изнашивались, ослаблялись болты, крепившие рельсовые стыки, как и «костыли», которыми крепились рельсы к деревянным шпалам. Надо бы некоторые участки отремонтировать, а то и полностью заменить, думал Омар-Ата, но для того, так и для другого, нет сейчас никакой возможности. Вот и приходится ему выявлять наиболее ослабленные участки дороги, чтобы наутро в перерывах между движениями поездов ремонтная бригада, которая сейчас состоит из одних женщин, могла бы исправить выявленные недостатки.

Погруженный в эти мысли, шел он со своими инструментами, измерителем ширины колеи на плече и молоточком с длинной рукоятью в руке, замечая каждый ослабленный болт или подавшийся чуть кверху «костыль» в шпале, по звуку удара молоточка определяя слабый участок, пока не наткнулся на тело мужчины, лежащее между рельсами. Приблизившись, он увидел, что на шпалах лежит молодой человек без сознания, с ушибленной раной на затылке и запекшейся кровью в волосах. Поместив пальцы на сонную артерию, он определил сильные и регулярные пульсовые удары и увидел также, что парень дышит. Кроме раны на голове, он не мог установить у него других повреждений, но все попытки установить с ним словесный контакт были безуспешны.

Омар-Ата понял, что парень, конечно же, отстал от одного из последних поездов, очевидно, замешкался на станции. Он сразу представил себе, как мальчишка должен был бежать за набирающим скорость поездом, его догнал, ухватился за последний вагон, но подняться на его площадку не смог, оборвался, упал, ударившись головой о шпалы, и так остался лежать на пути. Да, именно так это могло произойти, подумал он. Последний поезд с людьми на восток

¹ Имена протагонистов, за исключением известных личностей и государственных деятелей, изменены в соответствии с положением о неприкосновенности личной жизни. – Прим. авт.

прошел в полночь, длинный состав из пульмановских вагонов с людьми, с охраной из офицеров и солдат НКВД, каких множество прошло за последнее время в восточном направлении.

Начальник станции говорил, что это фашисты, которых гонят подальше от фронта, но этот парень, по виду не старше шестнадцати лет, какой же это фашист? И вообще, Иван Степанович, при полном к нему уважении, часто говорит такую чепуху, что ему не хочется верить. Но после двенадцатичасового прошло еще четыре поезда в том и другом направлении. Неужели возможно, что все они проехали над лежащим между рельсами парнем? Ах ты, бедный мальчик, подумал старик, повезло же тебе, что лежал ты без движения, а то перемололи бы колеса тебе все косточки.

Как бы то ни было, перед ним лежал пострадавший молодой человек с тяжелой черепно-мозговой травмой, который нуждался в срочной медицинской помощи. Он сразу понял, что если он донесет парня до станции и будет ждать, пока со следующим поездом он будет доставлен за 70 километров в маленькую больничку в районном центре Аксай или в городскую больницу в Оренбурге, а это 185 километров и не менее трех часов пути, то парень, которому нужна немедленная помощь, умрет. Сейчас ему нужен покой и холодные компрессы на голову, общий уход, и как можно скорее, пока время еще не упущено.

Омар-Ата сделал самое верное в этих условиях: он перенес парня на траву около насыпи, побежал обратно на станцию и взял одну из одноколесных тачек, с помощью которых женщины возили щебень для подсыпки железнодорожного полотна. Вернувшись с тачкой, он постелил в нее свою фуфайку, уложил на нее парня, все еще не приходящего в сознание, и лесной тропинкой через березовую рощицу, по которой он всегда ходит на работу, в два раза сокращая дорогу, повез парня к себе домой. Толкая тачку перед собой, он в течение получаса быстрой ходьбы преодолел эти два с половиной километра короткого пути и вышел к своему дому.

Его дом и двор были окружены высоким забором – дувалом из обмазанного глиной и побеленного известью плетня. Приземистый, но вместительный дом из шести комнат и большой кухни имел стены такого же метода строительства и камышовую крышу. Этот дом он со своей женой заложил еще в молодые годы, а когда пошли дети, то постепенно расширял и достраивал его по мере надобности. Так же постепенно появились несколько сараев для скота и птицы, огород позади дома и большой фруктовый сад, которые содержатся в образцовом порядке благодаря труду всей его большой и дружной семьи.

Вот здесь парень найдет нужный ему покой и уход и скоро будет здоров, подумал Омар-Ата, приближаясь к калитке в заборе. Как в прошлом году, подумал он, когда его тринадцатилетний сын Манас упал с одуревшего и понесшего верблюда. Он был шесть с половиной часов без сознания, но через неделю благодаря тщательному уходу матери был снова здоров. Этому тоже нужен прежде всего покой, а когда поправится, будет видно, как он сможет догнать свою семью.

Едва он вошел во двор, как увидел, что его жена Зара-Ана тоже уже на ногах, и не одна, а вместе с восемнадцатилетней старшей дочерью Лейлой и невесткой старшего сына девятнадцатилетней Зухрой. Старший сын Джунус сейчас в армии, и хотя война внезапно нарушила все планы со свадьбой, Зухра жила в доме родителей будущего мужа. Девушки встали вместе с матерью, чтобы помочь ей управиться с утренними работами по хозяйству. Остальные дети в возрасте от трех до шестнадцати лет еще спали.

Мать и дочь не были удивлены тем, что отец так неожиданно вернулся с работы. Обе сразу поняли, что причиной явился новый найденный, как и прежние пять, которых глава семьи каждый раз подбирал на станции и приводил в дом.

«Теперь еще один?» – обратилась Зара-Ана к мужу, хотя сразу увидела, что юноша лежит в тележке в беспамятстве и нуждается в срочной помощи.

«Да, моя дорогая, и я не мог ничего лучшего придумать, как привезти его домой под твою опеку, – ответил он. – Я нашел его на путях, конечно, травмировался, когда пытался догнать

поезд. Смотри, у него на затылке ушибленная рана с кровью, запекшейся в волосах. Наверняка он ударился головой о шпалу. Ему нужен покой. Я не мог привезти его на станцию, чтобы он там лежал без помощи в ожидании поезда. Пожалуйста, позаботься о нем, а мне нужно обратно, я должен еще успеть обследовать свой участок. Холодные компрессы на голову и покой, ах, да ты лучше меня знаешь, что надо делать в таком случае. И, пожалуйста, не сердись, моя дорогая. Если мы ему сейчас не поможем, упустим время, пока он попадет в больницу, то он может умереть. Для нас он тоже не в тягость. Ты же знаешь, если семеро за столом сидят, то восьмому всегда место найдется, а кусок хлеба для него у нас тоже есть...»

Все эти слова он произносил в то время, когда с помощью жены и дочери переносил парня в одну из комнат, где они уложили его на кровать. Затем он вышел во двор, взял тачку и быстрым шагом пошел в сторону станции.

Да, конечно же, Омар как всегда прав, подумала его жена, умудренная жизненным опытом Зара-Ана. Недаром же они вместе с мужем воспитывают десятерых детей, из которых пятеро свои собственные, остальные же все найдены на станции, приведены в дом милосердным Омаром-Ата и официально включены в семью. Правда, двое взрослых уже оставили отчий дом, но остальные все здесь, как свои собственные, так и приемные. И прав, опять же, Омар, что все они как родные. А как же иначе? Так и должно быть в семье...

От этих мыслей она тут же отвлеклась, потому что парень нуждался в срочной помощи. Она велела дочери принести ведро холодной воды, смочила два полотенца и сделала холодные компрессы на голову, на лоб и на затылок. Невестку она послала в погреб, чтобы та отколола куски льда, положила их в ведро и принесла в комнату. Со льдом компрессы будут эффективнее. Она знала, что при наличии раны на затылке и продолжительном беспомыслии у пострадавшего наверняка имеется мозговая травма, по меньшей мере сотрясение мозга, о большем даже и думать не хочется. И когда парня вырвало, она окончательно убедилась в том, что головной мозг у него набухает, как и мягкие ткани вокруг ушибленной раны, только в отличие от поверхностного повреждения мягких тканей мозг при набухании сдавливается в замкнутом пространстве черепной коробки, что может привести к непоправимым последствиям.

Итак, для начала – полный покой и холодные компрессы. Она велела дочери следить за общим состоянием больного и через каждые четверть часа менять компрессы. Дойку коров она делает сама с Зухрой. Но прежде чем пойти в коровник, она ощупала голову пострадавшего и с некоторым облегчением отметила, что костных повреждений как будто бы нет. Край раны на затылке она обработала настойкой йода и наложила повязку.

Как и прежде, она, управившись с дойкой, подходила к больному и трепала его по щекам в надежде на то, что он придет в себя, но все было напрасно. Для пробы она дала ему в рот с ложки немного воды и увидела, что глотательный рефлекс был сохранен. Теперь она стала с целью уменьшения отека головного мозга давать ему с ложки слегка подсоленный чай.

С наступлением утра к пострадавшему была приглашена единственная имевшаяся в пристанционном поселке медработница, заведующая фельдшерско-акушерским пунктом Заия Керимовна, которая одобрила мероприятия Зары-Ана и установила, что больной нетранспортабелен. В дальнейшем она ежедневно посещала семью путепроходчика и корректировала действия Зары-Ана.

А та день и ночь почти безотрывно проводила у постели больного, стараясь уловить малейшие изменения в его состоянии. Все дети, даже и шестилетняя Кузулу, старались помогать матери в уходе за незнакомым парнем. Трехлетняя Динара тоже была часто около него, но понятно, что из чистого любопытства. Отец семейства каждую свободную минуту заходил в комнату и справлялся у жены, не может ли он чем-либо помочь. Состояние больного существенно не менялось. С третьего дня Зара-Ана стала кормить больного жидкой пищей.

В течение многих часов, проведенных у постели больного, хозяйка дома много думала о своих сыновьях, которые сейчас уже не жили дома. Ее первенец, теперь уже двадцатидвухлет-

ний Джунус был с первых же дней начала войны призван в армию. Запланированную свадьбу с хорошей девушкой Зухрой пришлось отложить до лучших времен. Невестка живет в доме, называет родителей жениха отцом и матерью, надеется на скорое окончание войны и возвращение жениха.

Второй сын, двадцатилетний Марат, уже полгода находится на обучении в Оренбургском летном училище, и, как слышно, скоро он тоже должен будет отправиться на фронт. Уже с пятого класса мечтал он о небе. Его комната и сейчас еще полна моделями самолетов и вертолетов, которые свисают на нитках с потолка, стоят на полках и подоконниках. Теперь его мечта стать летчиком сбывается, но почему обязательно на фронт, зачем обязательно в бой? Было бы ведь лучше, если бы он мог в мирном небе перевозить людей и грузы. Но зачем война?

У них с Омаром еще трое собственных детей. После двух мальчиков родилась девочка. Она родилась в темную безлунную ночь и поэтому получила такое полное тайны имя Лейла. Сейчас ей восемнадцать, и она является ей главной опорой в большой семье. Затем четырнадцатилетний Манас, мой бесстрашный мальчик, с которым в прошлом году было столько переживаний. Он упал со взбесившегося и понесшегося в степь самца-верблюда и тоже, как и этот юноша, в течение многих часов лежал в беспамятстве, однако, слава Аллаху, поправился без последствий для здоровья. И последняя из собственных детей, десятилетняя Сиягул, которой отец дал это имя, означающее «прекрасная, как цветок», которую в семье все называют Силика, то есть младшая сестра старшей дочери Лейлы.

Но остальные пятеро, ах да, теперь уже шестеро – все найденыши, которых сердобольный отец семейства каждый раз подбирает на станции и приводит в дом. Ведь намного лучше, говорит он каждый раз, если ребенок будет расти в семье, а не как сирота в бедном детдоме, таком, какой они видели в поселке Караман. Когда это было? Ах да, уже десять лет прошло. Мы хотели сдать в детдом четырехлетнюю тогда Айзулу-Ирин, которую кто-то подсунул Омару, зная его мягкосердечие. Девочка лепетала на совершенно незнакомом языке, никто не мог ее понять, разве только одно слово, звучавшее как «Ирин», что можно было понять как имя.

Позднее одна из работниц станции рассказала Омару, что она видела, как истощенная донельзя женщина из арестантского вагона перед самым отходом поезда выставила с разрешения солдата-охранника девочку на перрон. Ей сразу показалась, что мать таким образом решила сохранить девочке жизнь. В то время проходило много вагонов с зарешеченными окнами и с охраной на восток. Больше ничего было невозможно узнать о девочке, но главное было то, что она была голубоглазой и светловолосой, что совсем не вписывалось в казахскую семью. Вот и хотела Зара-Ана отдать девочку в детдом.

Однако, на радость всей семье, Всевышний не допустил несправедливости. Как только она увидела эту массу неухоженных детей в бедном детдоме в Карамане, она сказала Омару, что ни за что не оставит девочку в таких условиях, и они с радостью вернулись с ней домой.

«Ну что ж, нет худа без добра, радуйся, мать, – сказал ей тогда Омар-Ата. – Теперь у нас в семье будет дочка с золотыми волосами, и мы назовем ее Айзулу-Ирин. Я уверен, что со временем она будет прекрасна, как Айзулу, то есть лунный свет, а Ирин мы тоже сохраним, быть может, это будет единственным воспоминанием о ее происхождении».

Да, Омар всегда прав. Так девочка получила это двойное имя, и с удочерением тоже не возникло препятствий, потому что власти уважали Омара-Ата Муртаевича Муртаева не только как заслуженного работника железной дороги, орденосца и депутата Верховного Совета СССР, но и как достойного отца семейства. Остальные дети: и одиннадцатилетняя Заия, и восьмилетний Керим, и шестилетняя Кузулу, и трехлетняя Динара – все они были в разное время найдены Омаром на вокзале и были официально приняты в семью, что каждый раз приветствовалось комиссией райисполкома по правам семьи и ребенка. И за все эти десять лет ни одна душа не объявилась в поисках детей. Да и понять ситуацию можно, если принять

во внимание, сколько семей было разрушено за последние годы, сколько детей осталось без родителей.

Так же ведь было и со мной, думала далее эта старая на вид женщина, которая неделю тому назад справила свое сорокашестилетие. Омар был на три года старше ее, а выглядел тоже уже как старик. А все потому, что они оба имели за спиной тяжелое прошлое. Оба они сразу после революции были насильно отделены от родителей и определены в детские дома, где пробивались как могли, а в шестнадцать лет были направлены на работы на строительство железной дороги. Работники железной дороги имели, не в пример многим другим отраслям производства, значительные преимущества в продовольственном снабжении, что регулировалось Комиссариатом путей сообщения. Восстановление путей сообщения было первоочередной задачей молодого советского государства. Ну, оно того и стоило, если принять во внимание, насколько тяжелы и ответственны были работы по сооружению и затем по эксплуатации железной дороги.

Именно здесь, на этой маленькой железнодорожной станции, скрестились пути двух бывших обездоленных, но не обозленных людей. Здесь они создали семью и произвели на свет пятерых детей, а еще столько же приняли в семью. А теперь еще этот, большой и красивый юноша, который уже столько дней борется со смертью, все еще лежит без сознания. А что же будет, если он навсегда останется инвалидом и не найдет своих родственников, продолжала размышлять женщина. Конечно, он может в этом случае остаться в семье, где все дети воспитываются с одинаковым вниманием и любовью, где никто не чувствует себя обиженным или обездоленным. Так оно и должно быть, так учит нас Аллах. Хотя сейчас религия и преследуется, но тайно, в глубине души никто не запретит произнести Всевышнему благодарственную молитву.

Рассуждения матери, просидевшей большую часть ночи у постели больного, прервала фельдшерица Заия Керимовна, пришедшая, как всегда, с утренним обходом. По состоянию зрачков, их ширине и реакции на свет, по сохранению глотательного рефлекса и некоторых других витальных показателей, как ее учили в фельдшерско-акушерской школе, она следила за тем, нет ли локальных повреждений головного мозга, удивлялась тому, что он уже неделю не приходит в сознание, но каждый день была вынуждена признавать, что больной остается нетранспортабельным.

Парень пришел в себя через восемь дней и не мог понять, где он находится. Над своей головой он увидел большое количество моделей самолетов и вертолетов, раскрашенных в зеленый цвет, с красными звездами на крыльях, свисавших с потолка. Когда Зара-Ана вошла к нему в комнату, она с радостью увидела, что он пришел в сознание. Парень улыбнулся ей и сказал то, что она ему постоянно говорила на протяжении последних дней, а именно: «пить, кушать, глотать», – и что удивило всех членов семьи, они были сказаны по-казахски. О своем прошлом он ничего не мог сообщить, ни в первые дни, ни позднее. С потерянным видом он некоторое время озирался вокруг и снова впадал в кому. Когда он приходил в себя, то улыбался матери и детям, окружавшим его, пил сок или ел то, что дети давали ему, повторял слова, обращенные к нему.

Так продолжалось еще два дня, а потом Омар-Ата, собираясь утром рано на работу, обнаружил его сидящим на пороге дома. Он улыбнулся хозяину и сказал ему по-казахски что-то вроде «доброе утро». Омар-Ата понял, что он говорит только то, что он слышит от окружающих, но и обрадовался тому, что те немногие слова, которые им были сказаны, не были бредом, а были сказаны со смыслом. Он позвал жену, которая тоже была уже на ногах, поздравил с успехом ее целительного искусства, попросил следить за парнем, чтобы он не ушел куда-нибудь и не потерялся бы в своем затемненном сознании.

Парень был еще очень слаб, но он начал самостоятельно есть. Вначале все жидкое, затем постепенно из всего, что он видел на столе. Все члены семьи были рады его хотя и медленному,

но выздоровлению. Все старались с ним говорить как по-казахски, так и по-русски. Он повторял обращенные к нему слова, и можно было видеть, что он их не только повторяет, но и запоминает.

Еще через два дня он начал выходить во двор, и с этого момента началась для него жизнь без прошлого. Он хорошо кушал и с каждым днем становился крепче физически и уже помогал матери и отцу, он истинно считал их своими родителями, в работах по дому и на огороде он понимал их указания и правильно реагировал или отвечал им. Он стал понимать и быстро усваивал казахскую и русскую речь, то есть оба языка, на которых говорили в семье, и сам стал говорить с членами семьи то по-казахски, то по-русски. Но самое главное, что интересовало всех членов семьи, – он не мог сообщить ничего о себе, о том, что с ним произошло. Он полагал, что он вырос в этой семье, что с ним произошло какое-то несчастье и теперь он постепенно выздоравливает.

Когда и через два месяца он не смог ничего вспомнить из своего прошлого, стало ясно, что парень, если оставить его в таком состоянии, не будет иметь будущего. Фельдшерица объясняла его новым покровителям, что у парня ретроградная амнезия как следствие травмы и, как говорили преподаватели, может пройти много времени, пока к нему вернется память, если это вообще произойдет. Она, а вслед за нею и председатель поселкового совета, со дня на день интересовались, не появилась ли у парня память, ведь надо же с ним определяться, как положено по закону.

Тогда по настоянию местной власти Омар-Ата отвез парня в Аксай, в районную больницу, где были необходимые специалисты. Здесь он обследовался в течение трех недель у невропатолога Земерова и психиатра Жумабаева. Ему выставлялись различные диагнозы, от простой симуляции до посттравматической шизофрении, хотя клиника заболевания как-то не укладывалась ни в какую из этих состояний. Наряду с потерей памяти на прошлое они могли установить у него достаточно высокое общее умственное развитие, школьные знания примерно на уровне седьмого-восьмого класса и хорошие способности к усвоению новых знаний, что показывали специальные тесты.

Наконец по просьбе местных врачей в больницу приехал профессор Игнатов, специалист из областного психоневрологического диспансера в Кустанае, который установил у него редкую форму амнезии, так называемую диссоциированную и избирательную амнезию, которая развивается у больных чаще всего в результате тяжелого психического стресса в комбинации с черепно-мозговой травмой, именно так, как это могло произойти у данного пациента. При этой форме болезни человек забывает свою прошлую идентичность, но сохраняет универсальные знания и способность к обучению, к накоплению новых знаний.

В обстоятельной беседе профессор объяснил Омару-Ата, что юноша потерял свою прошлую идентичность, по-видимому, навсегда. В медицине известны редкие случаи, когда память на прошлое возвращалась, иногда через много лет, при возникновении новой стрессовой ситуации. Процесс этот не поддается моделированию. Также нет необходимости в медикаментозном лечении.

Официальное заключение профессора было таким, что он должен жить с этой новой идентичностью, ждать, что, может быть, память на прошлое и вернется, а пока его нужно обязательно отдать в школу. Он рекомендовал послать его в восьмой класс. Кроме того, профессор выдал Омару-Ата соответствующие документы на усыновление парня.

Вопрос о его усыновлении не вызывал сомнения ни у Омара-Ата, ни у Зары-Ана, ни у кого из членов их большой семьи. А органы социальной опеки многократно убеждались в том, что супруги Муртаевы всех приемных детей воспитывают одинаково заботливо, как и своих собственных, поэтому усыновление каждого нового ребенка происходило беспрепятственно с их стороны. Свой глинобитный дом супруги Муртаевы периодически расширяли посредством пристройки новых комнат, да и подсобное хозяйство было достаточным, чтобы прокормить

большую семью. Они жили согласно казахской поговорке «Дом с детьми – радость и счастье, дом без детей словно могила». В этом доме находилось место для каждого ребенка, оставшегося на станции без родителей, без документов, без будущего.

А еще Омар-Ата был очень уважаемым человеком. За свой доблестный труд он был знаменит не только в своем Аксайском районе, но и за его пределами, в области и в республике. Он двадцать пять лет трудился на железной дороге, вначале простым рабочим, а последние восемнадцать лет – путеобходчиком, за что получил звание заслуженного работника железной дороги, был награжден орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями и благодарностями. А еще он был избран в Верховный Совет СССР, на одном из заседаний которого он был сфотографирован в группе депутатов вместе с самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Эту фотографию он хранил и ценил больше всех наград.

Усыновление парня прошло без осложнений, а идентичность он получил от Омара-Ата по еще ранее установленной им схеме. Днем рождения считалась дата находки ребенка, год устанавливался приблизительно с помощью медиков, а имя давалось на семейном совете.

Так он получил имя Руслан, которое ему дали другие дети за его крепкое телосложение, и в поселковом совете был зарегистрирован новый гражданин: Муртаев Руслан Омарович, казах, дата рождения – 9 сентября 1924 года, место рождения – поселок Кара-Су Аксайского района Казахской ССР.

За время жизни в доме приемных родителей Руслан быстро усвоил уклад жизни, играл со своими братьями и сестрами, усваивал языки и уход за животными, из которых самыми крупными, кроме двух коров, были два верблюда, которых Омар-Ата держал в хозяйстве для различных поездок помимо железной дороги, которой он и его семья могли пользоваться бесплатно. Вне графика движения поездов он предпочитал безотказный способ передвижения по бездорожной степи на своих «кораблях пустыни».

10 января 1942 года Омар-Ата посадил своего нового сына на спокойную верблюдицу Наку, сам сел на норовистого самца Джамала и поехал с ним в районный центр Аксай, в школу-интернат, где учились оба старших его сына – и Джунус, который сейчас в школе сержантов и вскоре будет отправлен на фронт, и Марат, в настоящее время курсант летного училища в Оренбурге. Как и родные его сыновья, Руслан будет в конце недели и на праздники приезжать домой на поезде.

Чернявый и покладистый Руслан был хорошо принят остальными учениками школы и показывал хорошие успехи в обучении. Приезжая домой, он радовался общению со своими братьями и сестрами, среди которых особенно выделял светловолосую и голубоглазую Айзулу-Ирин, которую Омар-Ата десять лет тому назад подобрал на станции. Сейчас ей уже четырнадцать и она с отличием оканчивает школу-семилетку в Кара-Су. Что связывает его с ней, это то, что им обоим легко дается немецкий язык, который оба изучают как иностранный. Им обоим доставляет удовольствие чтение простых историй на немецком языке, как, например, сказок братьев Гримм из книжки из школьной библиотеки, и затем разговор по-немецки на прочитанную тему.

Кроме того, Руслан перечитал в своей комнате все книги по авиации, которые собирал и изучал до него его старший брат Марат, курсант летного училища, создавший картонную коллекцию летательных аппаратов, которую Руслан обнаружил над своей головой после того, как пришел в сознание. Он изучил особенности каждой машины не только по моделям, свисавшим с потолка, но и по книгам, оставшимся в доме от Марата, сам собрал несколько моделей из оставшихся картонных заготовок. обстоятельную книгу «Развитие авиации в СССР» он перечитал несколько раз. А когда Марат приехал домой на два дня в своей летной парадной курсантской форме, познакомился и пообщался со своим новым братом, то Руслан решил, что его судьба может быть связана только с авиацией.

Он оказался очень старательным учеником в школе и усиленно занимался спортом, не только в школе, но и дома, для чего на заднем дворе из двух столбов и лома построил себе турник, на котором подтягивался по много раз в день при каждом приезде домой. И вскоре мог крутить «солнце», доставляя тем самым большое удовольствие своим братьям и сестрам. За полтора года, проведенных в приемной семье, он изучил казахский язык как свой родной и хорошо говорил по-русски, окреп физически и еще вырос, так что на полголовы перерос своего нового отца.

Когда он окончил восьмой класс, он ничего другого не хотел знать, как только стать летчиком. Омару-Ата пришлось употребить весь свой авторитет, чтобы исполнить желание своего любимого сына-найденьша. Он повез его в Аксай в райвоенкомат, где обратился с просьбой к военному комиссару майору Сытину, нельзя ли сына уже сейчас, в его семнадцать лет, призвать в армию, но не солдатом на фронт, а в авиационное училище, в котором уже учится его старший брат Марат. Но военком не мог помочь ему в этом вопросе, кроме того, он выразил мнение, что парень слишком высок для летного училища. С его ростом в один метр семьдесят восемь сантиметров он просто не войдет в кабину боевого самолета, а подготовки пилотов для гражданской авиации в силу военного времени практически нет. Однако, увидев глубокую печаль в глазах старика, он посоветовал ему лично обратиться с этой просьбой к начальнику училища, но обязательно при всех своих наградах.

Глава 2. С мечтой о небе

Именно так, с рекомендательным письмом от районного комитета Коммунистической партии, со всеми орденами и медалями на груди, с удостоверениями депутата Верховного Совета СССР и заслуженного работника путей сообщения в кармане, а кроме того и с фотографией, на которой он в большой группе депутатов сфотографирован рядом с самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным, он на поезде отправился с сыном в Оренбургское высшее летное училище.

Они сошли с поезда на маленькой станции, где были встречены дежурным офицером, доставившим их к начальнику училища, заранее оповещенному об их приезде. Как только Омар-Ата увидел начальника училища, он не мог удержаться от довольной улыбки, потому что перед ним предстал высокий офицер, выше ростом, чем его сын, так что с этой стороны препятствий не должно быть, подумал он.

Полковник Криушев с большим уважением принял Омара-Ата, своими заслугами известного человека в обществе. Кроме того, он хорошо знал казахские обычаи, по которым старшим и заслуженным людям, аксакалам, принято оказывать всяческие знаки внимания. Знал, что эти обычаи сохранились и в советское время. Поэтому офицер в первую очередь поинтересовался, хорошо ли гости доехали, затем они пожелали друг другу хорошего здоровья и скорейшей победы Красной Армии над фашистской Германией.

После этого Омар-Ата спросил начальника училища, как обстоят дела с учебой его сына Марата. Получив положительный отзыв, он не преминул сказать, что его старший сын, призванный в армию сразу с первых же дней войны, после окончания школы сержантов служит в пехоте. Руслан должен был внимательно слушать разговор старших, но он успевал незаметно рассматривать грамоты летного училища, развешанные в рамках на стенах кабинета. Наконец дело дошло до целей визита, о чем офицер, очевидно, был уже заранее по телефону предупрежден военкомом.

Полковник задал Руслану несколько вопросов общего характера и затем перешел к выяснению того, что тот знает об авиации, и, кажется, остался доволен его ответами. Он вызвал женщину-военврача и попросил ее сейчас же сделать необходимые обследования. Можно было видеть, что он хотел удовлетворить просьбу Омара-Ата, но он должен был руководствоваться установленными правилами. Пока проводились обследования, он предложил своему гостю чай и они продолжали беседу. Когда полковник получил положительный результат медицинского обследования Руслана, он тотчас зачислил его во второй учебный отряд.

Омар-Ата сердечно поблагодарил полковника и выразил просьбу хотя бы коротко увидеть Марата, что было, однако, невозможно, так как он в связи с программой летной подготовки был на другом полигоне. Но встреча была обещана на следующий день. После этого Руслан в сопровождении дежурного офицера был направлен в казарму, а Омар-Ата – в гостиницу.

В летном училище Руслану с первого дня понравилось все: и казарма, в которой ему была выделена койка, и шкафчик для личных вещей, и курсантская повседневная форма, и учебные классы с таблицами и схемами, и пилотажный тренажер, и спортзал со множеством гимнастических снарядов. Но больше всего он был очарован летным полем и выставленными на его краю в ряд настоящими самолетами, настоящими У-2, управлять которыми ему предстоит научиться, чтобы парить в воздухе, как те модели над его головой после его «нового рождения». Он уже знал, что эти самолеты используются не только в качестве учебных, но и участвуют в военных действиях с первых дней войны. Позднее он узнает, что после смерти конструктора этого самолета Николая Николаевича Поликарпова в 1944 году самолет будет переименован в По-2, знаменитый «кукурузник», на котором и ему предстоит воевать.

На следующий день он в шесть часов утра был на общем построении, с которого началась его военная общевоинская и специальная подготовка. Во второй половине дня он мог коротко повидаться со своим отцом и братом, которому было разрешено проводить отца до железнодорожной станции. С отъездом отца у Руслана на многие месяцы прервалась связь с дружелюбной семьей, приютившей его. Он уже знал, что он и еще пятеро детей были в семье усыновлены, но отношения как между детьми, так и детьми с родителями были самые теплые и хорошие, поэтому ему сейчас не хватало общения с ними, как с младшими братьями и сестрами, так и с отцом и матерью. Но он знал также, что он на пути к своей заветной цели, а это было сейчас главное. Он должен стать летчиком. А кроме того, он почти каждый день, как только позволял учебный план, мог видаться и общаться с Маратом.

Учеба не представляла для него больших трудностей. Теоретический курс был, по сути, лишь повторением того, что он познал дома по книгам брата. Труднее было с изучением материальной части: мотора, систем подачи топлива и зажигания, но и в этой части он быстро нагнал тех, кто был зачислен в училище на полгода раньше него. В строевой и физической подготовке он вообще был одним из первых. Это было ясно всем, когда он по требованию сержанта Исаева сорок раз подтянулся на перекладине и затем после небольшого перерыва несколько раз прокрутил «солнце». Физподготовка в школе и самодельный турник дома при- шлись теперь очень кстати.

Благодаря своему дружелюбному характеру у него установились хорошие отношения практически со всеми курсантами. Только своего соседа по койке в казарме он душой не мог принять. Это был сержант, личный шофер начальника училища, который на американском «виллисе» постоянно стоял под окнами кабинета начальника, готовый немедленно ехать по его указанию. Но когда шеф был в отъезде, у него было много свободного времени, которое он проводил своеобразно. Он приглашал в машину одну из девушек, работавших при штабе, лазарете или кухне, увозил ее в степь и где-нибудь за кустами занимался с ней в машине любовью. Руслана, собственно, его занятия в его свободное время не интересовали, но он не мог слышать, как он, собрав вокруг себя круг слушателей из молодых курсантов, хвастался своими успехами у женщин, налагая на них пятно грязи. Как и в данном случае, когда он рассказывал, что по собственной оплошности лишился хорошего, как он выражался, секса.

«В этот раз я был с этой хорошенькой, пухленькой из прачечной, ну, вы ее все, конечно, знаете, – говорил он с похабной ухмылкой. – После непродолжительной подготовки я получил ее согласие на безопасный секс и с удовольствием приступил к делу. И вот когда я, распаляясь все больше и все больше увлекая девочку, был в полном ходу, над степью вдруг раздался оглушительный автомобильный гудок, от которого мы оба пришли в испуг и мой „мальчик“ совершенно опал и скис. Я сразу же понял, что сам же и виноват, потому что оставил ключ зажигания в замке, а в процессе увлечения делом не заметил, как, упиравшись ногой, нажал на сигнал. Поняв свою ошибку, я быстро восстановил свой потенциал и хотел продолжить игру, но девочка была вся в шоке, она тряслась от испуга, вся сжалась так, что я в ее „розочку“ уже никак проникнуть не мог. Не помогли ни уговоры, ни увещевания, ни даже насильственные действия. Где-то я читал, что в таких случаях у женщины соответствующие жомы так замыкаются, что если мужчина еще в ней, то только под глубоким наркозом эту пару и можно разъединить. У меня же, к счастью, такого не произошло, но хорошо начатый секс остался незавершенным. Пришлось привезти девочку обратно, да, обратно и... полностью неудовлетворенным».

Большинство слушателей находили подобные рассказы интересными и смеялись, а Руслан не мог переносить этого «грязного болтуна» и искал случая сменить койку или, еще лучше, комнату в казарме. Такой случай представился с новым набором в училище. Он был прикреплен в качестве шефа к новому курсанту Сергею Егорову, который прибыл из небольшого села, был не так успешен в школе и в процессе обучения постоянно нуждался в помощи. Руслану было разрешено перебраться к своему подшефному в другую комнату. Все дальнейшее обуче-

ние протекало у них с этого момента совместно. Руслан был вынужден пройти с ним заново практически весь теоретический курс, он учился сам и объяснял все снова и снова Сергею, пока тот тоже не усваивал полностью учебный материал. В результате к экзаменам оба пришли хорошо подготовленными. Они стали друзьями, и дальнейшая их служба протекала тоже вместе.

В условиях военного времени обучение шло ускоренными темпами, и уже через три месяца приступили к практической части программы, то есть к полетам, вначале с инструктором в качестве второго пилота, затем роли менялись. Как только дошло до самостоятельных полетов, Руслана невозможно было удержать. Он буквально бредил небом, готов был к полету и днем, и ночью. Он чувствовал машину как свое собственное тело, свои руки, свои ноги, свою голову, он чувствовал себя слитым с машиной воедино, и полет представлялся ему легким делом, как это происходит само собой у птицы.

Начальством были замечены его успехи, уже вскоре его назначили инструктором по полетам, то есть обучению все новых курсантов. Но не этого ему хотелось. Он мечтал попасть на фронт, чтобы бить фашистов, как знаменитые летчики Александр Иванович Покрышкин и Иван Никитович Кожедуб, которые имели на своем счету по два десятка сбитых самолетов противника и имели по две звезды Героев Советского Союза. И хотя он и подавал каждые две недели рапорты с просьбой направления на фронт, ему отказывали, ссылаясь на то, что он нужен здесь для подготовки молодых летчиков.

Глава 3. В борьбе с фашизмом на фронте

Наконец училище получило приказ сформировать и направить в действующую армию два авиационных звена по шесть машин в каждом с полным обеспечением и своими бортмеханиками. В приказе значилось, что Красная Армия должна добиться перевеса сил в воздухе, что призванные летчики должны поддержать успехи наземных частей, чтобы скорее закончить полный разгром врага на его же территории. Командовать этими двумя звеньями был назначен сам начальник училища полковник Криушев, и он включил в одно из звеньев и молодых лейтенантов Руслана Муртаева и Сергея Егорова.

На следующий день транспортный самолет доставил их в Ульяновск, где на авиазаводе они получили и опробовали хорошо известные им самолеты и в тот же день перелетели на небольшой военный аэродром Западного фронта. Здесь оба звена были включены в авиационный полк и без промедления были брошены в ожесточенные бои у Курской дуги. Днем приходилось прикрывать свои наземные позиции от противника, а ночью – бесшумно, с выключенным мотором, подкрадываться к окопам врага, железнодорожным станциям, колоннам на марше и сбрасывать на головы фашистов каждый раз четверть тонны смертоносного груза, который была способна нести машина. За ночь каждый пилот мог делать по пять-шесть вылетов, что значительно ослабляло позиции противника. Кроме того, легко управляемые и неприхотливые при посадке тихоходы По-2 использовались и как разведывательные самолеты, и как санитарные или почтовые перевозчики.

Полковник Криушев с удовольствием следил за успехами своего любимца Руслана, как он был хорош в учебе, в спорте, в летной подготовке. Он в любую минуту был готов к полету, к выполнению боевого задания. Еще в школе полковник должен был однажды вмешаться и отменить наказание, назначенное ему за непредусмотренные виражи в воздухе. И сейчас он не утомим, готов лететь и днем, и ночью – настоящий летчик, как говорится, и душой, и телом. И он, можно сказать, его крестный отец, не способен его сдержать. На самые опасные вылеты он первым заявляет о своей готовности. Каждый из пилотов понимает, насколько это опасно – принять бой с врагом на более быстрых и маневренных «фоккерах» и «мессерах», как называют вражеские машины советские летчики, которые, чего греха таить, все еще имеют перевес в воздухе.

Несмотря на то что Верховный главнокомандующий Советской Армией, как была переименована Красная Армия, Иосиф Виссарионович Сталин еще ранее поставил задачу перед авиаконструкторами создать такие самолеты, которые бы летали быстрее, выше и дальше всех, было известно, что эта задача еще не выполнена. Друзья должны были летать на своих «кукурузниках», как они их с любовью называли, потому что они были неприхотливы на взлете и посадке и могли при необходимости укрыться в кукурузном поле или перелеске. Эти качества их часто выручали, позволяли сохранить машину, а то и жизнь. Да и в бою эти «лапотники», как называли По-2 немецкие летчики за неубирающиеся шасси, нередко добивались успехов над немецкими более скоростными машинами.

Руслан и его друг Сергей, еще в училище освоившие некоторые фигуры высшего пилотажа на этих неприхотливых машинах, теперь выработали свою тактику, как обмануть противника и сбить его. Для этого они с разрешения начальства отправлялись на «охоту», что им особенно нравилось в облачные дни. Завидев в небе немецкие машины, они в паре поднимались в воздух и на своих тихоходах казались легкой добычей фашистов. Но как только они входили в облако, они одновременно делали боевой разворот с полубочкой в верхней части петли и на выходе из облака оказывались выше и сзади немцев, и пока те не опомнились, атаковали и сбивали их. Так, у Руслана вскоре было на личном счету два сбитых самолета противника, а у его друга и неизменного второго номера – один. Сбить на По-2 быстроходный немецкий

самолет могли лишь отчаянные ребята и с помощью выработанной ими тактики. Начальство поощряло эту инициативу, и друзья получали благодарности.

Еще лучше они могли применить свою тактику после того, как в январе 1944 года их машины радиофицировали. Теперь они могли более синхронно выполнять свой коронный маневр и значительно раньше узнавать о наличии в воздухе противника, то есть слышать его, пока он был еще вне поля видимости. В этом Руслан убедился, когда однажды, настраиваясь на нужную волну, внезапно услышал немецкую речь и понял ее. Один немецкий пилот говорил своему второму номеру: «Зиги, ты видишь этих двух русских лапотников? Сейчас мы их срежем, давай подойдем только поближе!»

Руслан еще не видел противника, но понял, что немецкие машины находятся у них на хвосте. Его поразило слово «Зиги», и он вдруг понял, откуда оно ему знакомо. Ведь так называл отец его старшего брата Зигфрида. Но думать было некогда, поэтому он сразу же приказал Сергею приготовиться к маневру, хотя тот не мог понять почему, ведь неприятеля не видно.

«Объясню потом, – прокричал он в микрофон напарнику, – сейчас действуй по команде!» И действительно, было самое время укрыться в облаке и пойти на выработанный трюк. По выходе из облака они, как и рассчитывали, оказались выше и сзади самолетов со свастикой и короткими очередями поразили обе машины, которые в клубах черного дыма пошли к земле. В отряде по поводу такого успеха был настоящий праздник, и друзья были представлены к наградам.

Сергей вообще не понял, как Руслан мог опознать противника, когда его совершенно не было видно, поэтому приступил к нему с расспросами сразу же после приземления. «Я услышал чужую речь, понял, что противник должен быть в воздухе, и увидел в зеркале заднего вида две точки, вот и прореагировал», – сказал он другу.

На самом деле он понял все, что говорил немецкий пилот, но не стал открывать свою тайну даже лучшему другу. Он сам испугался того, что к нему пришло это краткое воспоминание из прошлого, но как он ни напрягал память, больше ничего вспомнить не мог, поэтому решил сохранить все как есть. Однако через пару недель он должен был признаться другу, что речь немецких летчиков он довольно хорошо понимает, что он объяснил изучением немецкого языка в школе и разговорами в приемной семье со сводной сестренкой Айзулу-Ирин. Он посоветовал другу также слушать немцев, но тот ничего понять в их речи не мог, хотя в школе тоже изучал немецкий язык. Пришлось друзьям полагаться на то, что воспринимал и понимал Руслан, а это помогало им заранее распознавать противника и если не сбивать, то хотя бы избегать опасности быть сбитыми.

Так прошло еще два месяца. В их авиаполку было много потерь, но Руслану и Сергею удавалось не только успешно воевать, но и оставаться живыми, пока и для них не наступила тяжелая пора.

В этот день было действительно опасно. Они летели, как обычно, вблизи линии фронта и регистрировали положение наземных сил противника, когда в небе появились две немецкие машины. Руслан услышал, как летчик без опасности быть кем-то услышанным и понятым говорил своему второму номеру, которого он называл Вольфом, что они атакуют русских сразу же, как только те выйдут из облака, на что тот ответил: «Яволь, шеф». Руслан отдал приказ Сергею к маневру, и оба, сделав одновременно петлю в воздухе под прикрытием облака, оказались позади немцев. Пока те искали долго не появлявшихся из облака русских, Руслан сбил один «фоккер», а другой успел уйти вперед. Но главное, что привело к трагедии, – они не заметили, что за первой двойкой немцев летели еще две машины, которые их атаковали. Руслан успел сделать бочку, посредством которой он избежал атаки, а Сергей попал под обстрел обеих немецких машин. Когда Руслан вышел из маневра, вторая двойка немцев была далеко впереди, а машина Сергея шла с широким шлейфом черного дыма к земле. Вдруг он увидел серебристое

пятно – купол раскрывшегося парашюта, значит, Сергей сумел катапультироваться и сейчас приземлится на чужой территории.

Это оказалось для Руслана таким мощным потрясением, что он вдруг, кроме брата Зигфрида, вспомнил свое имя – Вильгельм, Вилли, как звали его в семье, что отец его Антон Кратт и что они раньше жили в селе Селидово. Значит, вот откуда он понимает немецкую речь, вот откуда это «Зиги», как в семье звали старшего брата. И вот теперь у него в памяти возникают какие-то обрывки из прошлой жизни, о которой он ничего не знал с того момента, как он ударился головой о шпалы и лежал без сознания много суток, о чем много позднее рассказывал ему его приемный отец. От осознания того, что он, немец, служит в Советской Армии, он пришел в ужасный испуг. Но времени на раздумье, как теперь быть с этими багажом из прошлого, не было. Он успел только сообщить на базу о бедственном положении друга и пришел в еще больший ужас, когда вдруг получил приказ возвращаться. Перед его глазами был парашют Сергея и осознание того, что он попадет в плен.

Не раздумывая он направил машину к месту его приземления на убранном картофельном поле в зоне противника. И это было как раз вовремя, потому что к спускающемуся парашютисту уже бежали из близлежащего леса вражеские пехотинцы в надежде захватить подстреленного летчика. Каково же было их удивление, когда им представился случай захватить еще одного дурака вместе с машиной, которую тот посадил на поле у них под носом.

Посадив машину в десятке метров от Сергея, старавшегося освободиться от лямок парашюта, Руслан, не выключая мотора, вылез из кабины, кубарем свалился на землю и устремился навстречу другу, двигавшемуся к самолету практически ползком, потому что должен был тащить за собой раненую правую ногу. Руслан подхватил друга, добежал с ним до машины, поднял его на нижнюю плоскость, затем свалил его на заднее сиденье, прикрепил ремнями и нырнул на свое место. Осторожно дал газ, машина дрогнула и медленно поползла по покрытому кочками полю, затем пошла все более уверенно и быстро. Когда вражеские солдаты поняли, что добыча уходит, и начали стрелять, было уже поздно. А еще через четверть часа они приземлились на своем аэродроме.

Сергей был немедленно доставлен в госпиталь, а Руслан получил выговор от своего непосредственного начальника за риск собой и машиной, из-за чего они могли попасть к противнику. За неподчинение приказу возвращаться он лишил Руслана права на полеты на два дня. Большинство летчиков были не согласны с наказанием Руслана, но приказы начальства обсуждению не подлежат. Однако уже на следующий день в их полк прилетел из штаба дивизии генерал Кириллов, который совершенно по-иному оценил действия летчика. Он сказал, что Руслан действовал по неперемому правилу русского солдата, которое еще со времен Суворова гласит: «Сам погибай, но товарища выручай», что в штабе дивизии высоко оцениваются действия летчика Муртаева. В своем выступлении перед летным составом он отметил, что наступление наших войск идет успешно по всему фронту и что наши доблестные соколы ежедневно и ежедневно наносят ощутимый ущерб врагу, способствуют продвижению наземных формирований и приближают нашу победу. В заключение он добавил, что представит лейтенанта Муртаева к званию капитана.

В дальнейшем выяснилось, что он за совокупные достижения – четыре сбитых немецких самолета и геройский поступок, заключающийся в том, что он, рискуя собственной жизнью, сумел предупредить пленение противником раненого своего второго пилота – был представлен к высшей награде Родины, званию Героя Советского Союза.

Через два месяца в авиаполку был большой праздник: многим офицерам и сержантам были вручены боевые награды, ордена и медали. Среди получивших Героя было четыре летчика, из которых двоим это звание было присуждено посмертно. Майору из соседнего подразделения и лейтенанту Муртаеву высшие награды были вручены лично. Приказ о присвоении ему звания капитана он получил двумя неделями позднее.

Но для Руслана наступило тяжелое время в связи с тем, что он осознал, что он немец и воюет в Советской Армии, что его положение, если всплывет его настоящая национальность, равносильно смертному приговору. Он осознавал это, но вместе с тем понимал, что о своем прошлом он практически ничего не знает. Кроме имен отца и брата, названия села, в котором семья жила перед войной, ничего не помнит. Ни дома, в котором жил, ни школы и учителей, друзей или соседей, даже имени матери не может вспомнить, хотя ее образ иногда всплывает в памяти, а он, к своему стыду, не может вспомнить даже ее имя.

Поэтому он решил оставить все как есть и жить с этой новой, по случаю приобретенной идентичностью, что в данных условиях казалось в высшей степени правильным. Он вжился в свой новый образ, ему никому не надо ничего объяснять, пока то, что он вспомнил, не вышло наружу. Вот уже полгода, как он принят в партию, что рассматривается как величайшая честь, поэтому он должен обходиться со своей тайной еще более осторожно.

Его друг и бессменный напарник Сергей после госпиталя в часть не вернулся. Из переписки с другом Руслан узнал, что он признан медицинской комиссией к полетам не пригодным, но остался в армии в качестве техника по обслуживанию самолетов, правда, в другом авиасоединении. Руслан не знал, что он вместо благодарности за спасение от возможного плена чувствовал обиду и все больше завидовал своему успешному другу.

Руслан продолжает служить, пользуется уважением у товарищей, и его искусство пилотирования ставится в пример молодым летчикам, хотя ему самому всего лишь двадцать лет. Несмотря на то что уже известно, что война будет окончена победой советского народа, он в любую минуту готов взмыть в воздух и бить врага с новой силой. Он так ненавидит Гитлера, что готов был бы разорвать его собственными руками. Он, и только он, виновен в том, что миллионы людей лишились жизни, остались без крова, потеряли родных и близких, в том, что все немцы России переселены в восточные районы страны, а он лично оказался еще в таком двойственном положении, которое смерти подобно. Ведь если кто-либо докопается, что он немец, то ему тотчас же поставят в вину, что он якобы сознательно изменил свою национальность, и ничего ему не удастся доказать в свое оправдание. Для Смерша, введенного в армии для выявления и ликвидации шпионов и диверсантов, он окажется легкой добычей. И никакие заслуги и награды ему не помогут. Так уж лучше умереть героем в бою, чем получить пулю в затылок в подвале НКВД.

С такой установкой он продолжал воевать. Он много летал, теперь уже с разными летчиками в качестве второго номера, но разработанный им трюк позволял ему обманывать противника, добиваться успеха и выходить из сражения живым. Еще продолжались тяжелые бои в Прибалтике и Польше, хотя было ясно, что война будет завершена в логове врага.

В их авиасоединение поступали более совершенные машины как американского, по ленд-лизу, так и отечественного производства, в частности машины серии «Ла» конструкторского бюро Лавочкина, но для пополнения оренбургских звеньев продолжали поступать все те же По-2, эти настоящие лошадки советской авиации, с помощью которых выполнялась, как говорили сами летчики, вся черная работа авиаторов.

Его беззаветная преданность небу и бесстрашные схватки с врагом находили соответствующую оценку у начальства, что привело к тому, что он был представлен к следующему воинскому званию. В том, что он в двадцать один год был в звании гвардии майора и в должности командира авиаполка, не было ничего особенного. Его товарищи по оружию тоже были очень молодыми.

Война и ежедневные опасности закаляли этих людей и вели их к росту наверх или к смерти. Так и он сейчас командует авиаполком, который перешел к нему от его прежнего начальника еще по авиационному училищу, бывшего полковника Криушева, получившего во время войны звание генерал-майора. К сожалению, его начальник в одном из последних

боев над Прибалтикой был сбит противником и с боевыми почестями погребен на воинском кладбище поблизости от литовского города Шауляй.

Глава 4. Конец войны и возвращение домой

Известие о безоговорочной капитуляции фашистской Германии застало Руслана в Восточной Пруссии. Летной работы стало меньше, хотя оставался приказ быть в полной боевой готовности, что объяснялось напряженностью в отношениях с прежними союзниками. Руслан уже три года не был дома, а тут еще он получил от своего начальства предложение о направлении в Москву для обучения в академии Генерального штаба. Это предложение испугало его тем, что он может оказаться в еще более двойственном положении, если память на прошлое вдруг внезапно вернется к нему. Он сумел отклонить это предложение под предлогом того, что в свое время не окончил школу-десятилетку и располагает знаниями только в пределах восьми классов.

В декабре 1945 года он подал прошение об отпуске и полетел домой, к своим приемным родителям, братьям и сестрам. Он увидел, что годы войны оставили на облике родителей заметные следы. У матери появилось больше седых волос и пара новых морщин на лице, а голова отца стала совсем белой, хотя он сам остался таким же приветливым, как и был раньше. Из писем знал Руслан о гибели на фронте его старшего брата Джунуса, которого он никогда не видел. Он погиб в бою в третий год войны при освобождении города Калуги.

Второй сын в семье, его старший брат Марат, как и он, военный летчик, был дома двумя месяцами раньше и, как водится в казахских семьях, женился на невесте брата Зухре, которая все годы жила в семье, но так и не дождалась своего жениха. Марат и Зухра счастливы и живут теперь в военном городке недалеко от города Потсдама. Марат уже полковник. В письмах он ничего не писал о своей службе, но когда был дома, то рассказывал отцу, что он летает на новейших моделях с турбореактивными двигателями и напряженность отношений с американцами нужно воспринимать серьезно. Так что отдельный контингент Советских вооруженных сил в Восточной Германии находится постоянно в полной боевой готовности.

Руслану понравился его младший брат Манас, который окреп физически и сейчас учился в Аксае в девятом классе, жил в интернате, приезжая домой так же, как когда-то Руслан, на воскресные дни и праздники. На будущее он еще не определился, но он увлечен техническим прогрессом и бурным ростом промышленности, поэтому посвятит свою жизнь, по-видимому, машиностроению.

С большой радостью Руслан мог видеть, что все девочки в семье также подросли, а старшие стали настоящими красавицами. Но все три года, пока он не был дома, он думал только о своей сводной сестренке, голубоглазой Айзулу-Ирин, или просто Иринке, как он называл ее в мыслях, мечтал вернуться и просить ее руки, если родители не будут против. Он знал, что казахские обычаи очень строги и не разрешают родственных браков до седьмого колена, но они брат и сестра сводные, значит, и препятствий не должно быть. Его Ирина за время его отсутствия с отличием окончила десятилетку в Аксае и теперь учится на первом курсе педагогического института в Оренбурге. Ей восемнадцать, и она тоже мечтает только о том, чтобы Руслан вернулся, она его любит и готова пойти за ним на край света.

С одобрения приемных родителей была справлена свадьба, и Руслан, ввиду изменившегося семейного положения, еще до окончания отпуска подал рапорт о переводе его в Оренбургское высшее летное военное училище на должность инструктора по полетам.

Просьба его была удовлетворена, и он приступил к своей прежней профессии. Первая ступень обучения, как и прежде, была основана на известных ему По-2, но уже вскоре программа была расширена на турбореактивные самолеты. Многие его ученики переводились в другие летные училища, где продолжали обучение на базе новых моделей. Руслану тоже хотелось взмыть в воздух на скоростном самолете, но он не хотел перевода куда-либо, пока не окончит институт его Ирина.

Примерно через год в училище вернулся и Сергей Егоров, родители которого жили в селе Карасево неподалеку от Оренбурга. Он получил должность техника-инструктора, и друзья стали встречаться не только на работе, но и в свободное время, а после того как Сергей женился, дружили семьями.

Постоянно помня о своей новой идентичности, Руслан был очень осторожен и не претендовал на карьерный рост. Его вполне устраивала его работа и счастливая семейная жизнь. Да и приемные родители жили поблизости, всего два часа на поезде – и они были дома, в просторном и гостеприимном доме, где все дышало благожелательностью и заботой друг о друге.

Хотя первые послевоенные годы отличались большими трудностями в стране, молодая семья Руслана и Ирины этих трудностей не замечала. Жили они в достатке и радости, особенно после того, как родился у них сын, которого называли в честь лучшего друга Руслана Сергеем.

Ирина закончила институт и стала работать учителем в школе. Она любила своих первоклашек, а они свою учительницу просто боготворили.

Руслана все больше занимали неразрешимые вопросы его происхождения, он читал труднодоступную в то время литературу по переселению немцев из германских княжеств в Россию, находил обрывки сведений об имевшейся до войны Немецкой автономной республике на Волге и находил все больше свидетельств о депортации немцев с началом войны в восточные районы страны. Он мог сопоставить факты и понять, что он один из тех, которых везли в телятниках на восток, и по какой-то причине он мог отстать от поезда, получить черепно-мозговую травму, выжить благодаря грамотным действиям и милосердию своих приемных родителей, но остаться без прошлого.

В Оренбурге и области проживало много немцев-переселенцев с довоенного времени, но в его окружении их не было. Зато Ирина, работавшая в школе, общалась с другими преподавателями и родителями детей этих самых переселенцев и знала, что они занимаются поисками пропавших во время войны родственников, и делают это они через организацию Красного Креста в Москве. После того как она поделилась своими знаниями с Русланом, тот совершенно потерял покой.

Еще больше сведений о своих соотечественниках он получил на партийной конференции в Оренбурге, в которой принимал участие как делегат от своего учреждения. Он был удивлен, встретив в зале некоторых делегатов, российских немцев, поднявших вопрос о реабилитации своей диаспоры. Еще больше был он удивлен тем, что переселенные сюда российские немцы живут под надзором спецкомендатуры, но являются членами партии с довоенного времени. Эта несуразица, когда лишенные паспортов, а следовательно, и ограниченные в гражданстве люди продолжали оставаться членами единственной в стране правящей коммунистической партии, поначалу просто не укладывалась у него в голове. Позднее он поймет иезуитский метод отца народов, который содержал целую диаспору в гражданском бесправии, но давал возможность через партийную организацию в этой диаспоре создавать видимость участия ее в судьбах страны, добиваясь на «партийных собраниях за колючей проволокой» идеологического давления на трудармейцев с целью повышения производительности подневольного труда.

Но сейчас его интересовало другое. Не выдавая своего особого интереса, он внимательно слушал выступления делегатов, прислушивался к разговорам в кулуарах и понял, что российские немцы через поисковую службу Красного Креста не только находят своих родственников, но в ряде случаев им удается получить разрешение даже на воссоединение семей. Он решил, что должен тоже подать просьбу на розыск своих кровных родителей, с нахождением которых он связывал возможность прояснить свое прошлое.

В октябре 1951 года он не выдержал дальнейшей неизвестности и написал письмо в Москву, в Красный Крест, с просьбой на основании тех немногих данных, которые ему сохранила память, найти членов его семьи. В письме он сообщил, что после травмы головного мозга с многодневным коматозным состоянием он потерял память о своем прошлом. Позд-

нее, во время войны, в которой он принимал участие, ему во время тяжелой стрессовой ситуации вдруг пришли на память имя отца и старшего брата и то, что его семья до войны проживала в селе Селидовка, по-видимому, на Украине. Он просил найти своих отца Августа Кратта и брата Фридриха, которые с началом Великой Отечественной войны, возможно, были высланы на восток страны. Возможно, их путь лежал по железнодорожной ветке Кара-Су – Оренбург, где он был найден на рельсовом пути без сознания будущим приемным родителем Омаром-Ата Муртаевым, орденоносцем и депутатом Верховного Совета СССР. Он просил, если это возможно, восстановить весь состав семьи и особенно сведения о матери, которой он, к сожалению, даже имени не знает.

Конечно, он думал о возможных тяжелых последствиях своего шага, о возможном недоверии к нему со стороны официальной власти, но жить в неведении он просто не мог. Если он найдет своих ближайших родственников, то, возможно, к нему вернется и память до того момента, как он в бессознательном состоянии был найден на шпалах железнодорожного пути, как рассказывал ему его спаситель и приемный отец. Так думал он и ждал ответ из Москвы.

Глава 5. Осуждение и лагерь

Но его ожидания не оправдались. Более того, жизнь повернулась к нему самой ужасной стороной. Неожиданно 4 марта 1952 года, через месяц после того как отпраздновали пятилетие маленького сына Сергея, его арестовали. В его рабочий кабинет без стука вошли полковник и лейтенант из службы армейской разведки, объявили, что он взят под арест, забрали его служебное удостоверение, посадили в зарешеченный черный «воронок» и привезли в город Павлодар в тюрьму военного округа.

Ну, вот так. Так ты выяснил свою истинную идентичность, с горечью думал он, мысленно обращаясь к самому себе. Ты разрушил свою жизнь, жизнь своей семьи и ни на шаг не приблизился к разгадке своего прошлого.

Уже на следующий день начались допросы. Вопросы военного следователя крутились вокруг того, кто он в действительности, почему он выдал себя за казаха, с какими агентствами империалистических стран он связан.

Он понял, что такие вопросы ему могли ставить только в связи с письмом в Красный Крест, и вынужден был рассказать следователю, что в последний год войны, когда он в радиопереговорах противника услышал знакомое с детства слово «Зиги», как звали в семье его старшего брата, он впервые заподозрил, что он по своему истинному происхождению, очевидно, является российским немцем, после травмы головного мозга потерявшим память на прошлое. Когда он пережил новую тяжелую стрессовую ситуацию, связанную с возможным пленением сбитого своего второго номера и лучшего друга, к нему вернулись проблески памяти и он вспомнил имя отца и фамилию семьи, а также что они до войны, возможно, жили в селе Селидовка на Украине. Но он не мог вспомнить имя матери, соседей, друзей, учителей и до сего времени не помнит ничего больше того, что он указал в письме в организацию Красного Креста. Поэтому он жил дальше, надеясь, что со временем память на прошлое к нему все-таки вернется. Остальное можно взять из его истории болезни, заключения психиатра и последующего послужного списка.

Результат был неожиданный и страшный. По заключению военного следователя он был помещен в психиатрическую больницу МВД в Казани, а после четырехнедельного обследования представлен военному трибуналу, которым он был обвинен в фальсификации своей немецкой идентичности с целью внедрения в Вооруженные силы и выжидания момента для диверсионной деятельности. Он был приговорен к двадцати годам исправительных работ в лагерях для особо опасных преступников с лишением воинского звания и всех правительственных наград.

Жена его, Айзулу-Ирин Омаровна Муртаева, учительница, была обвинена в пособничестве врагу народа и приговорена к десяти годам лишения свободы в лагерях общего типа. Сын Сергей, пяти лет, был определен в специальный детский дом для содержания детей врагов народа. К счастью, Омару-Ата удалось, пользуясь своей известностью, забрать внука к себе.

Вот так распорядилась судьба, думал Руслан или теперь уже Вильгельм, как он знал. Вместо того чтобы узнать хоть что-нибудь из своего прошлого – лагерь на лесоповале в Ухте, в Коми АССР, а совершенно ни в чем не повинная Ирина – тоже в лагере, в Хабаровском крае, на переработке рыбы. Ей-то, с ее хрупким здоровьем, как там приходится, в вечно ледяной воде и, конечно же, с непосильным трудом? Горькие мысли одолевали Руслана, старавшегося выполнить норму выработки, чтобы элементарно не умереть с голоду, выжить и хоть через двадцать лет увидеть своих родных и близких. Отрадно хоть то, что разрешается, хотя и редкая, переписка с родительским домом, а через Омара-Ата они могут знать о судьбе друг друга. Большую радость он испытал, когда получил известие о том, что сын Сергей у дедушки, что он им усыновлен и таким образом освобожден от ярлыка сына врага народа.

Время шло, Руслан вошел в ритм лагерной жизни, сдружился с такими же, как он, фронтовиками, с которыми вместе решил перенести все тяготы и выжить. Вместе с тем он регулярно, как разрешалось, каждые шесть месяцев писал прошения в различные правительственные инстанции с просьбой о пересмотре его дела, если нужно, то и с новой психиатрической экспертизой, так как он с последней, проведенной в Казани, не согласен и осужден незаконно.

Глава 6. Реабилитация и известие о предательстве

Через четыре года он был вдруг доставлен в Москву и помещен в Центральный институт судебной психиатрии имени В. П. Сербского. Как выяснилось позднее, его прошения о пересмотре дела, а также письма Омара-Ата в Центральный комитет партии возымели действие. Материалы по его делу запросила реабилитационная комиссия при Центральном штабе Советской Армии со всех инстанций, начиная с больницы в Аксае с заключением профессора Игнатова и проведенной судебно-медицинской экспертизой в Казани.

В институте психиатрии он провел четыре месяца, после чего 26 января 1955 года его привезли в штаб армии, где он был принят ответственным секретарем комиссии по реабилитации военнослужащих полковником Алексеевым. Полковник в течение двух часов рассказывал Руслану, как получилось, что он был несправедливо осужден. Всею виной оказалось поверхностное заключение из Казани и тенденциозное решение военного трибунала того времени, когда везде искали шпионов и диверсантов. На основании авторитетного заключения из института имени Сербского его дело пересмотрено. В этом заключении указано, что при особой форме амнезии, которая удерживается у пациента в течение двенадцати лет, практически нет надежды на восстановление его гениинной, то есть подлинной, врожденной идентичности, и он вынужден жить с этой новой идентичностью, к которой он хорошо адаптировался.

На основании этого заключения комиссия пришла к выводу о полной невиновности героя войны коммуниста майора Муртаева Руслана Омаровича и постановила освободить его из заключения, восстановить его в воинском звании и в Коммунистической партии, возвратить ему все воинские награды с выплатой денежной компенсации за все месяцы заключения. Освобождению из заключения с выплатой денежной компенсации за все месяцы содержания в лагере подлежит и супруга его, Муртаева Айзулу-Ирин Омаровна.

«Есть вопросы, майор Муртаев?» – спросил его полковник.

«Так точно, товарищ полковник. Можете вы мне сообщить, что было причиной моего осуждения? Я полагаю, что это было письмо в Красный Крест с просьбой о розыске моей истинной семьи на основании тех немногих данных, что сохранила мне память?»

Полковник положил руку на папку с документами и сказал: «Ваш запрос в Красный Крест тоже имеется в деле, как и ответ из этой организации. К сожалению, в ответе по вашей семье только печальные данные. Все эти документы вы получите вместе со свидетельством о реабилитации. Я подготовил вам специальную папочку, не такую большую, как эта. Документы в ней вы сможете читать и изучать не спеша, может быть, сведения из нее вам помогут что-нибудь узнать из своего прошлого. Еще могу вам сообщить, что письмо в Красный Крест в вашем деле совершенно ни при чем. Роковую роль сыграло письмо или, вернее, донос одного из ваших сослуживцев, да, вот здесь, Егорова Сергея Павловича, с указанием того, что вы понимали речь немецких летчиков в эфире, и значит, вы не тот, за кого себя выдаете. Ну и последовавшая за этим недобросовестная экспертиза в Казани».

Руслан на какое-то время потерял дар речи, так что полковник с изумлением смотрел на него, пытаясь понять, что с ним происходит. Однако Руслан пришел в себя и сказал: «Он был моим лучшим другом. Или я его таким считал».

«Да, тяжело разочароваться в лучшем друге, но и это в жизни бывает, – сказал полковник и спросил: – Еще вопросы, майор?»

«Никак нет, – ответил Руслан и добавил: – Служу Советскому Союзу!»

«Хорошо, – сказал полковник, – дальнейшие действия, при содействии моего адъютанта, следующие: пошивочный цех здесь в здании, где снимут мерку, далее баня и парикмахерская, за это время приготовят форму с погонами, прикрепят заслуженно полученные награды Родины. После этого пройдете в кассу и получите компенсацию. Далее я предположил, что вы

захотите как можно скорее добраться до Хабаровска, чтобы встретить жену, поэтому я заказал вам билет на ближайший самолет, в первый класс, чтобы вы могли за время полета выспаться. Жена ваша будет ожидать вас в гостинице, куда вас доставят от трапа самолета. Да, если вы хотите приобрести для супруги подарок в Москве, то время позволяет. Облегчит вам эту задачу мой водитель, большой спец по модным магазинам, и в аэропорт ко времени вылета самолета доставит вас он же. Желаю удачи, майор», – и полковник крепко пожал Руслану руку.

Как и советовал полковник, Руслан использовал оставшееся время в Москве для закупки одежды для Ирины. Он попросил водителя отвезти его в самый большой универмаг, где он, майор военно-воздушных сил, в новой униформе и со звездой Героя на груди, очень приветливо был встречен продавщицами. Он показал на одну из них, по росту и фигуре сходную с Ириной, и попросил собрать для супруги необходимые вещи, как говорится, с головы до ног, начиная с нижнего белья и чулок до нескольких хороших платьев и костюмов и нескольких пар туфель тридцать седьмого размера, это он знал. Кроме того, по зимнему времени он подобрал для нее красивое пальто с меховым воротником, подходящий к пальто меховой головной убор и теплые сапоги. Попросил женщин собрать все необходимое из косметики. Затем он прошелся по другим отделам, где приобрел подарки для матери, отца и других родственников.

Сидя в самолете, он раскрыл папку, врученную ему полковником, и стал читать ответ из Красного Креста – ответ на свой запрос, так как первым делом хотел узнать правду о своей семье. Сотрудник организации по фамилии Кириянов писал, что поисковая служба сумела установить следующее: семья Кратт из села Селидово Донецкой области Украины согласно Постановлению Верховного Совета СССР от 28 октября 1941 года была в первых числах ноября того же года переселена в Новосибирскую область. Состав семьи: отец Кратт Август Фридрихович, 1901 года рожд.; мать Кратт (рожд. Лейпи) Мария Теодоровна, 1903 года рожд.; сын Кратт Зигфрид Августович, 1922 года рожд.; сын Кратт Вильгельм Августович, 1924 года рожд. Примечание сопровождавшего эшелон офицера Зацепина: сын Кратт Вильгельм Августович, 1924 года рожд., во время пути бесследно исчез из вагона. Расследование оказалось безуспешным.

Остальные члены семьи определены на поселение в село Елбаши Искитимского района Новосибирской области. В дальнейшем было установлено, что глава семьи и сын Зигфрид были мобилизованы в трудовую армию в Кировскую область, где были привлечены к труду на лесных работах.

Из дальнейших справок, собранных в папке, Руслан, или теперь уже все-таки Вильгельм, мог установить, что отец его умер в лагере в марте 1943 года от физического истощения. Брат Зигфрид последовал за отцом в июне. Оба похоронены в лагерной братской могиле. Примечание: кладбище в настоящее время не существует.

Итак, подумал Руслан, осталась только мать. Адрес известен, и туда я направлюсь сразу после того, как встречу Ирину. Ирина действительно была уже в гостинице, где прошла их встреча после трех с половиной лет вынужденной разлуки и многих лишений и унижений. Оправившись от первых счастливых слез, они обсудили последующие действия. Конечно, они оба хотели скорее увидеть сына, вернуться в семью своих приемных родителей, но Руслан рассказал Ирине то, что он узнал о своей родной семье, о том, что осталась в живых только мать и что она живет в селе, лежащем на их пути. Конечно же, они решили прежде всего поехать к ней, может быть, забрать ее к себе. Так что обратный полет они уже на следующий день предприняли до Новосибирска.

Прибыв рано утром в аэропорт Толмачево, они наняли таксиста, который должен был доставить их в районный центр Искитим, это 250 километров, затем еще 30 километров до села Елбаши. Таксист не хотел ехать так далеко, ссылаясь на то, что дорога в село может быть замечена снегом, но согласился рискнуть, когда Руслан предложил ему двойную оплату. Дорога,

к счастью, была свободна, и через четыре часа они достигли цели. Елбаша оказалась захудалой деревенькой с таким же бедным, как им рассказал в дороге водитель, колхозом.

С помощью водителя они разыскали на дому секретаршу сельсовета, которая была немало удивлена, увидев перед собой очень красиво одетых молодых людей. Конечно, она знает всех жителей села, и высланных немцев тоже, только ничего хорошего она им сообщить не может. Мария Федоровна Кратт уже четыре года как умерла.

В ту зиму она работала вместе с другими женщинами, как немками, так и местными, на переборке капусты и картофеля в овощехранилище. Она вообще мало болела, полностью справлялась со своим хозяйством, но в ту зиму, это было в марте 1953 года, как-то простыла и тяжело заболела. Наша фельдшерица сразу поставила диагноз «воспаление легких» и отправила ее в районную больницу в Искитим, откуда она уже не вернулась. Жители села похоронили ее на местном кладбище. Потом она попросила соседскую девочку, чтобы та поехала с гостями на кладбище и показала могилу тети Марии. Она же за это время выпишет свидетельство о смерти.

Но на заснеженном кладбище найти могилу они не смогли. Девочка сказала им, что где-то здесь она должна быть и еще летом стоял на ней деревянный крест с надписью. Наверное, упал и лежит теперь под снегом. Своим валенками она пыталась разгрести снег, но крест найти не удалось. Руслан с Ириной еще постояли около захоронения матери и вернулись в село, где им секретарь сельсовета вручила свидетельство о смерти.

Весть о том, что нашелся Вильгельм, сын Марии Кратт, пропавший в дороге, с быстротой молнии облетела все немецкие семьи, большинство из которых были из Селидовки. Люди собрались в сельсовете и широко открытыми глазами с изумлением смотрели на майора Советской Армии в летной форме и со Звездой Героя на груди. Потом посыпались вопросы, на которые он едва успевал отвечать.

Но и у него были вопросы, поэтому он выделил из всех присутствующих наиболее пожилого мужчину, как оказалось, пережившего трудармию Якова Андреевича Майера, и обратился к нему. Да, он знал его отца еще по Селидовке, где они некоторое время вместе работали в депо железной дороги, затем здесь в колхозе, только в трудармии в Кировской области они были в разных рабочих колоннах, так что, разделенные колючей проволокой и охраной, общаться не могли. Он может только сказать, что отец его был хорошим человеком. О матери Руслан тоже мог слышать только хорошие слова.

Короткий зимний день подходил к концу, начинало темнеть, и водитель тоже напомнил, что пора ехать, если они хотят еще до полуночи вернуться в аэропорт. Руслан дал старику Майеру денег и попросил его заказать и установить на могиле матери железный крест с табличкой и надписью, какие стоят на кладбище. Он выразил желание, если бог даст, приехать летом, чтобы всем миром отметить поминки по матери.

Как и предполагал водитель, около полуночи они были снова в аэропорту, где в кассе для военнослужащих Руслан без труда купил билеты на Кустанай, и уже через пару часов они снова были в полете.

Уже на следующий день они благополучно добрались до Кара-Су, где смогли обнять сына, родителей и сестру Лейлу. Время, а еще больше печальные события последних лет, связанные с несправедливым осуждением Руслана и Ирины, наложили свой отпечаток на лица отца и матери. Зато маленький Сергей под опекой деда вырос и окреп, запросто справлялся с обоими верблюдами и имел хорошие успехи в школе.

Из всей многочисленной семьи застали они дома, кроме родителей и сына, только старшую дочь Лейлу, которая вышла замуж за ученика и помощника Омара-Ата фронтовика Джумабаева Зарата из Аксая. Родители его умерли, и в доме Муртаевых он нашел все, что ему было нужно по жизни: и красавицу жену, и новый полный благожелательности родительский дом. Эти двое, не в пример остальным, разъехавшимся на учебу и работу, решили не покидать роди-

телей, сохранить родовое гнездо, куда каждый может приехать в любое время и найти приют и защиту. Хорошие вести были и от Марата Омаровича. Он успешно поднимался по служебной лестнице, был уже генерал-майором, также было у него с Зухрой уже двое детей. Омар-Ата заверил Руслана и Ирину, что к его дню рождения он с семьей, как и все остальные дети, обязательно приедет в родительский дом, тогда он увидит всех и познакомится с их детьми, которых они еще не видели.

Руслан долго не хотел говорить родителям о том, что его оклеветал его лучший друг, но как-то вечером, когда они с Омаром-Ата сидели на террасе, он поделился с ним этой печальной новостью. К несчастью, их разговор подслушал Сергей, который тут же выдал им такую реакцию, что они не знали, как его успокоить. Мальчик ни за что не хотел больше носить имя предателя отца. Он заявил, что в школе большинство его друзей казахи и имеют нормальные казахские имена и он хочет иметь тоже такое же. Пришлось в дальнейшем, опять же при помощи связей Омара-Ата, переименовать его. Сейчас он носит имя Серкен и очень им доволен.

Глава 7. Мог ли воевать российский немец?

Этот вопрос спонтанно возник в обществе старшего поколения российских немцев, переселившихся в Германию, фактически кучки выживших в тяжелых условиях трудармейцев, которых за пайку жестоко эксплуатировало государство на шахтах Воркуты или Новокузнецка, на лесоповале в Кировской области или в Сибири, на рудниках Джезказгана или Магадана.

Сетовали на то, что труд старшего, военного поколения российских немцев мог бы и получше быть оценен Россией, развитию которой они посвятили свои жизни, хотя и в тылу, как говорилось в ту пору, на тыловом фронте. А теперь и мизерную российскую пенсию получать будет невозможно, так как российская сторона перестала пересылать ее получателям в Германию. А много ли наездишься в Россию в свои семьдесят, а то и восемьдесят с лишком лет?

Этот грустный тон разговора сменился на более оптимистический, когда один из стариков с гордостью заявил, что он, все годы войны проработавший в шахте и, разумеется, в системе ГУЛАГа, внезапно к своему 85-летнему юбилею, совпавшему с 70-летием победы советского народа в Великой Отечественной войне, получил приветственное письмо от президента Российской Федерации с высокой оценкой его заслуг в победе над фашизмом.

Под влиянием этого заявления разговор сместился в сторону заслуг земляков в победе над фашистской Германией. Большинство стариков только прислушивались к тому, о чем говорилось, но один молодой человек под пятьдесят, явно не пенсионер, по-видимому, сопровождавший кого-либо из родственников, авторитетно утверждал, что российские немцы не только самоотверженно трудились в тылу, но также воевали и на фронте, и что среди Героев Советского Союза имеется тринадцать этнических немцев, предки которых жили к началу войны не менее двухсот лет в России.

Когда один из стариков стал ему возражать, сказав, что этого не может быть, что все сто тысяч солдат и офицеров немецкой национальности, служившие к началу войны в рядах Красной Армии, были сняты с фронта и отправлены в пресловутую трудовую армию, по условиям содержания больше походившую на те же фашистские концентрационные лагеря, молодой человек стал еще более энергично отстаивать свою точку зрения и в качестве неоспоримого аргумента, как ему казалось, стал утверждать, что даже у маршала победы Г. К. Жукова личным водителем служил наш немец и когда энкаведешники пришли его арестовывать, Жуков якобы заявил им, что он лично расстреляет каждого, кто посмеет забрать у него его шофера. Он лично читал об этом в мемуарах маршала.

Я, автор, тоже читал книгу Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» уже вскоре после ее первого издания в 1969 году, но о таком эпизоде не помню, хотя память, цепкая на все, что касается моих земляков, должна была бы его сохранить. Позднее приходилось читать о том, что по условиям того времени и книга заслуженного маршала не избежала красного карандаша цензуры самого высокого уровня, и не только после того, как он попал в опалу, но и раньше.

Припомнилось также, что когда-то пришлось читать интервью Александра Бучина, русского солдата, утверждавшего, что в течение всей войны он был у маршала водителем и исколесил вместе с ним на своей «эмке» более семи тысяч километров. Правда, в конце интервью была приписка редакции о том, что у Жукова было несколько водителей. Возможно, один из них был из наших земляков, но был предан забвению росчерком цензорского пера. Также не исключается, что молодой человек мог читать книгу последующих изданий, уже после перестройки, без цензорских правок. Как бы то ни было, если у Жукова и был водитель из этнических немцев, то о нем писать маршалу уж никак нельзя было, и совсем уж не факт, что он был и Героем Советского Союза.

И вместе с тем известно, что наши земляки отважно бились с фашистами, особенно в первые месяцы войны, в том числе при героической защите Брестской крепости, и после, пока их еще не начали снимать с фронтов и отправлять в тыл, в эту самую трудовую армию, а некоторые прошли всю войну, сражались на Ленинградском фронте, на Курской дуге, защите Сталинграда, в партизанских отрядах, показывая высокое мужество и героизм. Многие из них были отмечены высокими правительственными наградами, хотя для этого им приходилось изменить свою фамилию или выдать себя за человека другой национальности.

В свете этого спора вопрос об этнических немцах, героях Великой Отечественной войны, серьезно заинтересовал меня. В доступной мне литературе я встретил большой разброс данных: от четырех (невероятно мало) до ста шестидесяти шести (невероятно много) героев ВОВ. В последнем случае имеются в виду, по-видимому, все лица немецкой национальности, сумевшие удержаться на фронте и награжденные во время войны орденами и медалями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.